

— Я тебе покажу, как кусаться! — Хлесткие удары веревки звучали непрерывно. Здоровяк, охваченный безумием, даже не пытался перевязать обрубок пальца, позволяя крови хлестать ручьем, лишь бы выместить накопившуюся ненависть. Проклятия вроде паршивая тварь или ублюдок сыпались одно за другим.

Худенький ребенок съежился на земле, почти не шевелясь, словно уже был мертв.

— Ой-ой, что же это тут происходит?

Здоровяк, чье лицо начало бледнеть от потери крови, замер. Голос звучал мягко и легко, будто в нем не было никакой угрозы, но раздался он прямо у самого уха, хотя мужчина не заметил приближения чужака.

Он резко развернулся, пытаясь хлестнуть противника веревкой, но опоздал на мгновение. Едва та взметнулась в воздух, как ее перехватила длинная, бледная, узловатая рука.

На лице юноши по-прежнему играла учтивая улыбка. Не прилагая видимых усилий, он использовал инерцию веревки и, обведя рукой вокруг шеи здоровяка, дважды обмотал ее вокруг горла.

— Угх! — Грубые волокна вонзились в кожу, перекрывая дыхание. Лицо мужчины мгновенно побагровело. Ужас удушья пересилил боль от раненой руки, и он, пошатываясь, отступил назад, пытаясь пальцами ослабить петлю. Однако сила рук того, кто стоял за спиной, была чудовищной: легкий рывок — и здоровяк потерял равновесие, тяжело рухнув на землю.

— Ты... кто такой? — прохрипел он, выдавливая из горла обрывки фраз, а в его глазах застыл первобытный страх.

Ответом стал сухой звук стрелы, пронзившей гортань.

Тело здоровяка обмякло, цвет лица сменился с багрового на мертвенно-серый. Боль от пальца, удушье и агония пробитого горла сплелись воедино, лишая его сил даже на предсмертные конвульсии.

Он завалился набок, мутными глазами уставившись на ребенка рядом. Тот смотрел на него в ответ, и в его черных, бездонных глазах не было ни тени эмоций, лишь пугающе ясный блеск.

Юноша разжал пальцы, выпуская древко стрелы, и, проследив за взглядом умирающего, приподнял бровь.

— Умеешь готовить курицу по-нищенски?

Холодный ветер пронесся мимо, заставляя костер тревожно метаться. Искры разлетелись в стороны, некоторые упали на труп здоровяка, опаливая край одежды с тихим шипением, но тут же гасли в еще не застывшей крови.

Юноша, держа в руке стрелу, наконечником ворошил угли. Он слегка склонил голову, глядя на ребенка, который сидел, обхватив колени руками. Тот до сих пор не издал ни звука, лишь с трудом пережевывал подгоревший дочерна сухой лепешку.

Лепешка была невелика, но в руках ребенка казалась больше его собственного лица.

Мальчик был с ног до головы покрыт грязью, волосы свалялись в серые колтуны, на лице живого места не было, а уголки губ покрывала сухая корка крови. Однако руки, сжимавшие лепешку, были удивительно чистыми — он вымыл их перед готовкой, как того потребовал юноша.

Тот отвел взгляд и сосредоточенно уставился на глиняный ком в центре костра. Запеченная внутри птица томилась уже долго, интересно, когда она наконец будет готова?

Шорох жевания внезапно прекратился, послышалось частое дыхание. Юноша, не отрываясь от огня, едва заметно шевельнул ногой, пододвигая бурдюк с водой ближе к ребенку.

Мальчик покраснел — он подавился. Лепешка была слишком сухой, царапала горло, и, как он ни старался есть осторожно, все же не уберегся. Увидев пододвинутый бурдюк, он с опаской потянулся к нему, схватил, откупорил и жадно припал к горлышку. Размякший от воды кусок наконец проскользнул в пищевод.

Он поднял глаза на профиль юноши. На лице того по-прежнему блуждала легкая улыбка, но ребенок знал, что она ничего не значит — точно такая же была у него, когда он пронзил горло здоровяка стрелой.

Обугленный ком глины раскололся, выпустив облако горячего пара с густым ароматом куриного мяса. Когда юноша отогнул сухие листья лотоса, защищавшие птицу от земли, взору предстала нежная золотистая кожица. С нее, испуская тонкие струйки пара, медленно стекали капли жира.

Юноша, не дожидаясь, пока остынет, потянулся к еде. Не обращая внимания на жар, он оторвал целую ножку, пару раз дунул на нее и отправил в рот. Сначала почувствовался тонкий аромат листьев лотоса, затем — естественный вкус мяса с легким привкусом дыма, пропитавшим его при запекании в земле. Просто объедение.

Разве что специй не хватало, но в глуши, вдали от жилья, и так сойдет. Во всяком случае, это

было куда вкуснее того, что он готовил сам. Юноша, не заботясь о манерах, перепачкался в жире, быстро обглодал всю курицу до костей и довольно вздохнул.

— Мне нужен слуга, который умеет готовить, — заявил он как нечто само собой разумеющееся.
— Отныне пойдешь со мной.

Ответом ему была лишь бесконечная тишина.

<http://bllate.org/book/21455/2192965>